

A romantic couple is shown in a close embrace. The man, on the left, is wearing a black suit and has a beard. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a black dress. They are both looking towards the right. The background is dark with bright, glowing orange and yellow flames and several large, white feathers. The overall mood is passionate and dramatic.

Мой босс -

ПАЛАЧ

Анна Владимировна

Мой босс – палач

«Автор»

2022

Владимирова А.

Мой босс – палач / А. Владимирова — «Автор», 2022

Он стоял в шаге, высокий, пугающий, идеальный... убийца. – У нас есть специально обученные девочки, я в их число не вхожу, – попятилась я. – Возможно, у тебя другие, нужные мне достоинства, – прозвучал холодный голос. – Либо мы оба ошиблись... – В чем ошиблась я? – Не того клиента выбрала. – Я не выбираю клиентов! – вскричала. Нервы сдавали, а надежда на то, чтобы выбраться живой, таяла. – Зачем заигрывала? – медленно приближался он. – Не знаю, – передернула плечами, – сглупила... Становилось понятно, что никто за мной сюда не придет. – Значит, будешь расплачиваться за глупость...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Владимирова

Мой босс – палач

Пролог

Я не знаю, почему из всех инквизиторов, которых видела в новостях, запомнила его.

Когда он вошел в клуб, у меня будто между лопатками крысу посадили, и она, испугавшись гостя, начала продираться мне под кожу. Даже в полумраке и прыгающих разноцветных пятнах не составило труда его разглядеть. Я не помнила имени, но не сомневалась – такие гости просто так не приходят. Если инквизитор нагрязнел в клуб, он, конечно, может искать развлечений... но только не этот.

– Бэрри, ты чего? – толкнула меня от выхода на сцену Донна. – Говорили же, не рассматривать посетителей.

Легко сказать. Если обычным людям было все равно, таким как я – нет.

Честно, я думала, что, работая в таком заведении, где подобные посетители – не редкость, мои нервы окрепнут. Но инквизитор инквизитору рознь.

Плохо, что я забыла об этом сама, потому что в этот миг мужчина вдруг повернул голову, скользнул взглядом перед собой... и вдруг уставился на меня в упор. Какая-то часть меня бросилась бежать, но сама я не дернулась с места. Смотрела на мужчину, каждый удар сердца осознавая: «дура», «нельзя на него смотреть, запомнит», «они – больные ублюдки, наверняка любят сопротивление, а я ему его обещаю»...

Когда он первый отвел взгляд, по спине скользнула капля холодного пота.

Конец мне. Или нет?

– Видела этого типа по телеку, – обернулась к Донне, тряхнув волосами.

Ноги дрожали.

– Не надо на них смотреть, – с нажимом повторила она. – Ты первая сегодня танцуешь, а они все еще трезвые там – никакого риска...

– Мне не все равно, перед кем танцевать... И что он тут делает?

– Это у тебя профдеформация началась? – сосредоточенно поправляла края лифа Донна. А я вдруг поймала себя на отвращении – как же осточертели эти танцы!

– Наверное...

Она имела в виду мою учебу на юридическом. Последний год, последний надрыв... Мне иногда казалось, я его не выдержу. Таких, как я – с печатью, на факультете не было, всех отсеивали на первых трех курсах. Еще бы! Салемы – чуть ли не основная статья, угрожающая спокойствию города, а тут – я с намерением получить диплом и работать в департаменте расследований.

А теперь еще и этот инквизитор.

Между лопатками по-прежнему жгло, и я точно знала – это связано с ним.

Мы, салемы, не любим инквизиторов. Это мягко говоря. Неудивительно, ведь они появляются там, где с такими, как я, случаются проблемы. И уговорить себя, что я же танцую в мужском клубе, а инквизиторы – тоже мужчины, не получалось. Я даже сняла блестящий костюм и нацепила черный с красной вышивкой бисером, чтобы привлекать хоть немного меньше внимания. Если это вообще возможно, когда танцуешь соло. Но все равно.

«Идиотка», – обозвала себя. Если думать о безопасности, надо было не начинать игру в «гляделки» прежде всего. Но это упрямство, с которым я привыкла протестовать против неравенства в универе, так сразу и не задвинешь – оно всегда было наготове, чтобы напомнить другим о моих правах.

– Бэрри, он просто пришел выбрать себе девочку на ночь, – шепнула мне Донна. – Не трясись. Я все понимаю, но этот точно безобиден – сделал заказ, сидит один за столиком.

– Да? – взглянула на коллегу.

– Да, Марта его обслуживает, я поспрашивала.

И почему я сама не догадалась поспрашивать его официанта? Хотя... чем это мне облегчит жизнь? Эти ребята не достают с порога пушку и огнемёт, поэтому вначале вполне себе могут сидеть спокойно и вести себя прилично, насколько это вообще возможно в клубе «Драма». Не скажу, что всегда выступаю с легким настроением здесь – все же стриптиз не мое призвание, и танцую я тут только потому, что надо сводить концы с концами, – но сегодня вечер был наэлектризован до предела.

Только ничего не поделаешь – надо работать. Вернее, можно было отпроситься, сыграть дрожь и мигрень... но это же я. Я пойду и посмотрю в его глаза еще раз, если он того пожелает.

А он пожелал...

Сидел так близко к краю сцены, что мог бы сдернуть меня за ногу на свой столик в качестве главного блюда. Видимо, господин Инквизитор решил меня наказать за дерзость и испортить выступление своим пристальным вниманием, потому что не спускал взгляда, пока я шла к шесту. А я играла выбранную партию дальше – не отказывала ему в противостоянии. Чувствовала себя душой, но не отказывала – поздно.

Мы будто остались с ним одни. И я начала танцевать ему танец, который терпеть не могла, как и инквизиторов. Впервые язык тела был на моей стороне, но не все его понимали. По залу замигали красные тлеющие огоньки дорогих сигар, затанцевали в такт музыке свечи на столиках, слышались сдержанные одобряющие возгласы. Вдоль сцены горела лента красных лампочек, сообщая клиентам, что я не продаюсь, а только танцую, но проблем всегда создавала больше, ибо запретный плод сладок. Меня атаковали с обеих сторон – администрация каждый раз доносила щедрые предложения клиентов, а охранники – зазорные истории выдворения несостоявшихся любовников.

Только веселого тут не было ничего. Рано или поздно, если танцовщица хороша, находился клиент, который не спрашивал. У салема шансов исчезнуть без следа были выше – нас не любили спасать. А еще мы были более притягательны для мужчин, поэтому в элитный мужской клуб я устроилась за пять минут.

Инквизитор хмурил брови, щурясь на меня так, будто мы на допросе, и я танцую на его рабочем столе. Красивый, породистый... и беспощадный. Я вспомнила, что видела его в репортаже о громком деле возгорания салема – ректора академии искусств. Он тогда единственный смог пробраться к ней, пробуя предотвратить срыв. Но ему не удалось. Даже погиб кто-то...

Но и это воспоминание не давало разуму пробраться к пульту управления. Меня и правда подмывало что-то внутри поиграть с его огнем. Я отлепилась от шеста, за который держалась еще минуту назад, как за последний оплот благоразумия, и направилась к мужчине, качая бедрами под музыку. Когда приблизилась, ему будто стало неудобно задирать голову так высоко, и он опустил взгляд ниже. Ни капли нужных мне эмоций, только напряжение и собранность. На какой-то момент показалось, что я ему мешаю, но тогда какого ж черта сел так близко?

Я опустила перед ним на колени, заглядывая в глаза, и переползла на четвереньках на его столик... когда он вдруг сделал настолько молниеносный выпад, что даже стробоскоп над головой мигнул медленней. Резко стало нечем дышать.

– Ты откуда такая бессмертная выискалась? – оскалился мне в лицо, сжимая пальцы на затылке.

А я и не знала сама:

– Из твоих фантазий – очевидно же.

– Ах, из фантазий... – А вот теперь до меня дошло, будто из оцепенения выпала, только тут соображая – что-то не так. Это будто не я к нему приползла... или он сделал что-то со

мной. Я попыталась рвануться из его рук, но он только надежнее сжал пальцы в волосах, а та крыса, что полосовала кожу между лопатками с его появлением, рванулась к нему через грудную клетку, расплескивая адреналин по внутренностям. Я раскрыла губы, хватая ртом воздух, когда вдруг к столику наконец подошла охрана.

– Отпустите девушку, пожалуйста, – вежливо попросили инквизитора.

Он напоследок прожег меня взглядом, но руку убрал. А я попятилась задом со столика, встала на ноги и бросилась бежать за кулисы. Только не добежала каких то два шага, как оказалась в чьих то лапах. Крик застыл в груди, дыхание перехватило, будто меня столкнули с высоты. Перед глазами замелькали горящие таблички, в шею забилося чужое горячее дыхание, а нервы защекотало от терпкого мужского запаха и дорогого парфюма.

Когда перед носом открылась вип-комната, я даже нашла в себе силы упереться, благо не руками – осталась бы без них. Инквизитор втолкнул меня внутрь и выпустил. От неожиданности я упала на колени, но тут же подскочила и обернулась к нему.

Он не зажигал лампы – они вспыхнули каким-то холодным светом, непривычно освещая комнату, затянутую красным бархатом и черными тяжелыми шторами.

– Проблем хочешь? – зло напыжилась я, дрожа.

Он стоял передо мной, медленно стягивая пиджак и обозначая очевидное – проблемы у меня.

– Увы, без них теперь никак, – и он отбросил пиджак на диван.

– Может, ты подумаешь, – откинула я волосы со лба, тяжело дыша, и сделала шаг назад, – ты же умеешь...

– Именно поэтому я здесь, – пустился обходить меня медленно по кругу.

– У нас есть специально обученные девочки, я в их число не вхожу. – Потихоньку в памяти всплывали уроки психологии и раздел сложных переговоров с террористами.

– Возможно, у тебя другие, нужные мне достоинства... – Я не поворачивалась за ним, и в этот момент он оказался за спиной. – Либо мы оба ошиблись...

– В чем ошиблась я?

– Не того клиента выбрала.

– Я не выбираю клиентов! – вскричала. Нервы сдавали, а надежда на то, чтобы выбраться живой, таяла.

– Зачем заигрывала? – вопрос прозвучал в сантиметре от кожи, сея сотни мурашек в своем эпицентре.

– Не знаю, – передернула плечами, – сглупила...

Становилось понятно, что никто за мной сюда не придет.

– Значит, будешь расплачиваться за глупость...

Вроде бы справедливо, но не настолько, чтобы обещать мне кару небесную, да и ничего я не натворила страшного. Ну что он ожидал от клубной танцовщицы?! Целомудренный взгляд в пол?! Внутри я орала в голос, но в реальности стискивала зубы, чтобы не усугубить свое положение... если это вообще было возможно.

Пробовать драться с ним – чистое самоубийство, но я сразу забыла об этом, когда его рука обвила шею, а кожу обожгло:

– Не дергайся...

– Что тебе нужно?! – дернулась вопреки приказу.

– Ты... – Нарушения своих приказов он не терпел – сжал пальцы на горле и потянул на себя.

Другой рукой он скользнул мне на бедра, и те ошпарило жаром, а мои сценические шортики облетели красивым искрящимся пеплом под шорох сыплющегося на пол бисера и громкий стука сердца.

– Пусти, – выдавила. Паника затопила вены адреналином, выключая голову. Тело податливо обмякло в руках мужчины, растворяясь вслед за пеплом. Та же участь постигла и верхнюю часть костюма...

Мы горели... Огонь уверенно ласкал чувствительную кожу груди вместе с руками инквизитора, жидким ядом струился в легкие, а оттуда – к животу и ниже. Мне давали пламя взаймы, но оно все равно стремилось вернуться к хозяину, притягивая меня следом, прошивая мелкими раскаленными иглами. Конец мне. И я даже не могу спросить, за что – неужели так запретны были взгляды в эти его глаза? А глаза уже были напротив – вгрызались в душу в поисках какого-то ответа, которого – уверена – у меня не было.

– Ты ошибаешься, – растянула губы в наглой улыбке.

– Значит, просто использую тебя... как клиент, – зло процедил мне в губы, собирая волосы на затылке. Пламени вдруг резко не стало, меня будто выбросило в снег. По коже прошла волна противных покалывающих мурашек, грудь затопило отвращением.

– Тогда будь нежен, пожалуйста, – и я обхватила его лицо дрожащими ладонями. – Ты будешь первым... – Откуда во мне вдруг появилась такая внутренняя сила отвечать этому адовому отродью? От отчаянья?

Хорошо, что странная пелена спала с глаз, и я снова могла мыслить и видеть совершенно четко. «Будешь первым» будто еще звенело в ушах, отражаясь от стен, как если бы те были хрустальными, а не звуконепроницаемыми. Я сидела на нем полностью обнаженная, упираясь ладонями в широкую голую грудь мужчины, а он держал меня за волосы, вынуждая смотреть в глаза:

– Первым? – переспросил удивленно.

Я не ответила, но ему не было нужно.

– Я же говорю, не продаюсь, – прошептала. Силы стремительно покидали, губы дрожали. Дико хотелось разрыдаться, и я сглотнула ком в горле. А он все продолжал меня сканировать... Как его ладонь оказалась на области сердца, я не поняла. В следующий миг он прижал меня к себе за затылок и, по ощущениям, выстрелил в сердце...

Глава 1

Чашка тряслась в руке, а потом еще и зазвенела фарфоровым ободком на зубах, пока я пыталась добраться до ее содержимого.

Я пришла в себя на диване в пустой вип-комнате, укутанная в одеяло. Тело болело так, будто отпахала танцевальные программы за всех этим вечером, а еще раздирало от голода, будто инквизитор меня все же завел... но не воспользовался.

– Тварь... – процедила.

– Он сидел с тобой два часа, – подала глухой голос Донна. – Когда ты начала приходить в себя, ушел. И я сразу бросилась к тебе...

И не сказал ничего – это я уже выяснила, как и то, что он вообще никому ничего не объяснил. Все думали, он тут со мной кувыркается все это время, а он... просто ждал, пока приду в себя.

– Может, ты ему понравилась?

Ну что с блондинки взять? Дура – она в любые времена дура и любимица богатых мужчин.

Я отставила чашку. В нашем заведении отличный кофе подавали только гостям.

– Картер ничего не сказал? – я направилась к своему шкафчику и рывком стянула лиф. В раздевалке было уже пусто – все разошлись. Только Донна сидела и ждала. Надо будет ей шоколадку купить.

– Нет. Босс только попросил быстрее решить с подменой, если тебе понадобится.

Ну еще бы. Картер – хозяин заведения – особенно нас за людей не считал. Он даже смотрел сквозь, когда с ним разговаривала. Вечно занятой своими мыслями и подсчетами, он не утруждался переживаниями о танцовщицах. Смысл? Одна ушла, придут двое. Танцевать в таких заведениях, смешно сказать, очень престижно и выгодно. Но вот о подменах надо будет подумать. Смогу ли я выйти на сцену в ближайшее время? Что со мной сделал инквизитор? Я же помнила, как запекло под его ладонью, а потом по внутренностям будто огненный ураган пронесся, и сознание спалил к чертям. Жуткое чувство... Как вспоминала – сразу бросало в дрожь.

И ведь не найти подонка, не предъявить ничего! И от бессилия бесило еще больше, хотя, это как раз хорошо.

Когда такси привезло меня под подъезд дома, уже светало. А уже через два часа надо было плестись на учебу. Прокравшись холодными пролетами, я толкнула дверь в свою маленькую квартирку и с облегчением захлопнула за собой. Но не успела перевести дух – принялась остервенело срывать одежду. Я казалась себе грязной... Этот ублюдок будто ткнул носом в то, от чего я старалась убежать все годы здесь, в Лэйдсдейл.

Столица манила возможностями. Но не деньги интересовали... Я не знала ни одну салеу, которая не хотела бы выбиться к свету в этом проклятом царстве тьмы и власти. Только не все решались. Кто-то жил тихо в тени, пользовался природным притяжением и другими качествами и не высовывался особо, чтобы не нарваться. Только не я! Я же чувствовала себя здесь бабочкой в коконе, что вот-вот вылупится из уродливой гусеницы во что-то стоящее. Только, кажется, теперь как и бабочка, век буду прожигать ярко, но недолго.

Потому что этот... сегодня... он будто содрал все декорации с моего внутреннего мира вместе со сценическим костюмом. Его руки... они были везде! Меня никто еще так не трогал! Да и... я не позволяла! Мне было некогда думать о серьезных отношениях, а другие не устраивали. А этот попользовался, как продажной девкой! Поставил на место, разбил розовые очки и...

...В груди вдруг снова запекло, а в области сердца защемило. Я опустила взгляд и увидела проступающие очертания позолоченной печати. В квартире будто стало нечем дышать, но мне и не нужен был воздух. Меня словно перенесло во вселенную, которой принадлежал этот дьявольский инквизитор, наполненную звоном разбитых надежд таких, как я.

Кое как выровняв дыхание, я прошлепала голышом на кухню и принялась варить кофе. Из-под пальцев заструилось сияние, закрутилось вокруг кружки, поползло по столу, обретая форму цветущей веточки... Я засмотрелась на иллюзию, когда та начала цвести нежными бутончиками... Ну вот куда я лезу с таким хрупким нутром?

– Черта с два! – Стукнула кулаком по столу, разгоняя свет. Я не собираюсь быть заклеянной овцой! Сегодня же поеду искать этого типа и требовать с него объяснений! Мы не в темные века живем, в конце концов. Как я собиралась использовать права и кодексы системы, веру в которую не имела теперь сама? Да лучше бы он меня трахнул!

Решение наполнило грудь воздухом и новой целью. Да, трудность, но я не поддавалась на провокации четыре года. Не собираюсь и теперь. Пусть расскажет, какого черта себе позволил и... что это вообще значит!

Вяло пережевывая бутерброд, я искала в Макронет картинку, похожую на очертания печати. Последняя надо сказать освоилась как у себя дома на моей коже. Остыла, перестала жечься и теперь напоминала переводку из золотой фольги. Облизнувшись, я отставила кружку и осторожно дотронулась до печати – ничего. Осмелев, положила на нее руку и прикрыла глаза. Молчание. И, что ни говори, я была этому рада. Когда убрала ладонь, пальцы дрожали.

Может, ну его к черту? Я же не такая смелая, как хочу казаться себе «каждые пять минут девятого в понедельник», как говорила мама.

Стычки с инквизиторами никогда не сулили ничего хорошего. Даже если они ошибались – не признавали этого. Конечно, такие истории не рассказывали в новостях, но я слышала: стоит попасть под следствие – и уже ничто не спасет. Бесправие салем, что бы ни говорили в официальных источниках, процветало, как и сотни лет назад. Хотя в наши дни это все и казалось дикостью и дурным сном.

Протерев глаза я сгорбилась на стуле и глянула в окно. Лейдсдейл просыпался, ворочаясь в цветном тумане вдоль подсвеченных трасс, а вдалеке в утреннем мареве горела моя любимая Белая звезда – башня в центре города, символ Лейдсдейла.

Остаток утра я потратила на поиск информации об инквизиторе. Лучше бы не портила себе утро до такой степени. Он нашелся сразу благодаря делу, которое я запомнила.

Вернон Рэд, главный инквизитор третьего округа Лэйдсдейла и провинции Вафоулри. Я смотрела в его льдисто-голубые глаза, которые, казалось, сверлили даже через время и расстояние, и испытывала жгучее желание забиться в шкаф. Амбициозный сукин сын! Рэду было всего двадцать три года, когда он вошел в совет инквизиторов провинции, двадцать восемь, когда взошел на пост главного... И мне совсем стало нехорошо, когда в глаза бросились заголовки о его помолвке! Чашка треснула в руке, когда я сузила глаза на фотографию. Рэд на каком-то приеме со своей избранницей... Выглядели они, как сверкающая статуэткой с надгробия моей будущей могилы. Значит, вот ты какой, инквизитор в пятом поколении! У самого – почти жена, а он шляется по мужским клубам ночами и разбивает мечты таких, как я!

Едва не выбежав из дома в тапочках, я привычно рванулась в утреннее столпотворение пригорода, который цветной толпой пробивался в центральные районы города. Сегодня как-то особенно все смешалось перед глазами в серую массу... будто Рэд содрал вместе с костюмом и пелену с глаз. Я чувствовала себя не в своей тарелке. Казалось, все вокруг смотрят, обращают внимание на мои необычные глаза, которые выдавали салем с головой. Хорошо, одна из знаменитых модных дизайнеров ввела в моду цветные линзы, имитирующие глаза салем – становилось труднее вычислить подлинную. Конечно, дизайнер была салемой. Общество сделало ответный выпад, ужесточая порицание на все цветное – волосы, одежду, глаза... Но любое

действие вызывает противодействие – появились союзы защиты права на самовыражение, а под прикрытием многих можно было получить помощь в защите прав. Я мечтала стать консультантом подобного, когда окончу академию.

Напоминание о мечте немного подрихтовало поникший внутренний стержень, и из метро я выходила уже с расправленными плечами. Бессонная ночь притупляла чувства, и даже стук каблучков слышался откуда-то издалека. Пережить бы этот денек... Я уже даже подумала, что не смогу сегодня организовать наступление на совесть инквизитора – не в том состоянии. Когда меня окликнули:

– Бэрри!

Я называла ее «Донна номер два». Странно, как непохожи были две мои жизни – дневная и ночная, но «Донны» в ней были почти одинаковыми. Белокурая блондинка в темно-сером мужском костюме бежала следом, и красивые блестящие локоны пружинили в такт ее каблучкам.

– Кофе!

– Привет, Ким, – благодарно выдохнула я, протягивая трясущуюся ладонь к стакану. – Ты – чудо!

– Я знаю, – строго сдвинула она идеальные брови, беря меня под руку. – А еще я знаю, что ты танцевала вчера.

– Угу, – промычала я из стаканчика.

– Очень некстати, Би, – терпеть не могла эту светскую манеру сокращать имена. – Сегодня в Академии пройдет совещание глав судейства. Будут выбирать себе выпускников на практику.

Я прыснула, облизывая карамельную пенку с губ:

– Могла бы прогулять все к чертям...

– Брось, ты – лучшая на факультете. Хотела им всем показать, где салеми зимуют – сегодня твой день.

Да почему именно сегодня, когда я настолько не в форме?

– Плохо, – тряхнула я волосами, придирчиво себя осматривая и выдыхая с облегчением. Все же привычка выглядеть идеально не подвела меня и на автопилоте – такой же костюм, что и у Ким, только черный, волосы правда распущены, но так даже лучше. Кажется, я даже макияж делала...

– Брось – выглядишь отлично! Еще пять минут на действие кофе – и вообще будешь готова всех порвать.

Мне бы ее уверенность.

– Там будут какие-либо представители обществ по защите прав ущемленных...

– Салем? – усмехнулась она.

Да, таких не существовало.

– Я знаю! Но что-то около...

– Будут. Я тебе даже приготовила список приглашенных, которым надо построить особенно красивые глазки.

Ким любила обозначать собственное превосходство, но сегодня это устраивало, как никогда. Я вытащила планшет, усевшись за стол в лекционном кабинете, и углубилась в изучение кандидатов на мои красивые глаза. Ничего так список...

– А почему я об этом ничего не знала? – подняла голову, когда Ким уселась рядом.

– Об этом еще никто не знает. – И она одарила меня хорошо отрепетированной обольстительной улыбкой. – Говорят, даже выбор вроде бы уже сделан, но изменить его после собеседования с кандидатами они могут.

– Ты то на кого охоту откроешь? – усмехнулась я.

– Вот, – ткнула она пальцем в свой планшет, – Дин Кентинг, главный судья центрального округа по уголовным делам.

– Конец ему, – сузила я глаза на цели Ким.

– Непременно, – самоуверенно заявила она. – Я все выходные готовилась к нашей встрече...

А, то есть, информация о «смотре» у этой негодяйки была еще два дня назад. Она сначала сама выбрала себе цели, изучила их и подготовилась, а объедки бросила мне. Ну тут я не питала иллюзий – в этом вся Ким, дочь обеспеченных и успешных адвокатов. Девочка воспитывалась в семье жестких «достигаторов», странно было бы, если бы она выросла другой.

– Не переживай, – толкнула меня локтем в бок, – на крайняк станцуеться...

С ней не расслабишься. Как и со всей этой учебной атмосферой. Сегодня преподаватели как с цепи сорвались, будто специально решили нас вымотать или довести до «десерта» выжатыми до состояния дегидратации. В итоге к обеду я еле соображала. Еще и печать инквизитора вспомнила, что была крысой во вчерашней ипостаси, начала зудеть и ныть, продираясь к ребрам. Судя по рвению, они не были ее конечной целью.

– Чертов инквизитор, – шипела я, разминая плечо, собирая вещи другой. К моменту общей вступительной части я была такая злая, уставшая и уверенная, что провалю любое собеседование, если на меня кто-то позарился и случайно внес в списки. Не найдя в себе силы, чтобы сходить на обед, я сползла на ступеньки нужного мне этажа и уткнулась лбом в прохладную стенку.

Все же надо было искать этого ублюдка... чтобы забрал свое клеймо и не вздумал на меня его больше цеплять. Я прикрыла глаза и застонала, а когда открыла, прикипела взглядом к особенно примечательным мужским туфлям, замершим в шаге от меня. Красивые, дорогие, высокомерно поблескивающие в полумраке...

– Не подскажешь, где здесь зал заседаний?

От этого голоса меня приморозило каждым сантиметром кожи к поверхности, по которой недавно размазало. Ходить и искать не было нужды – он нашел меня сам. Я медленно заскользила взглядом вверх, хотя неумолимо тянуло спрятать глаза в соблазнительной трещинке между ступенек.

Вернон Рэд собственной персоной, в костюме запредельной стоимости и взглядом беспрецедентной угрозы.

– Привет, «бабочка»...

Мне показалось, или его голос перестал душить и расчленять, а даже немного оттаял и с натяжкой мог показаться теплым.

– Потому, что шлюха? – усмехнулась я криво, с опозданием соображая, что мы не в том месте и не в то время, когда я могла бы с ним так разговаривать.

– Потому, что ломаешь крылья, но прешь против всех обстоятельств, – он вдруг присел на корточки так, что теперь не смотрел сверху, а прямо в глаза. – Вернон Рэд, – и протянул руку. – Ты же говорила, что не продаешься.

– Убери свою печать, она делает мне больно, – процедила я хрипло, не отвечая на его жест.

– А если нет? – выстудило вмиг его усмешку.

– Заплатишь за это...

Красивые губы ублюдка медленно растянулись в заинтересованную усмешку:

– У тебя будет шанс выполнить свою угрозу.

Он медленно выпрямился и безошибочно зашагал в сторону зала заседаний. Что именно ему там понадобилось, я не успела подумать.

– Би, что это было? – тряхнула меня за плечо Ким.

Подруга сидела на соседней ступеньке и пялилась в удаляющуюся спину Рэда.

Я медленно перевела на нее взгляд:

– Я домой, – и решительно поднялась на ноги.

– Не смей! – перехватила под руку подруга. – По крайней мере, пока не объяснишь мне, что от тебя хотел Вернон Рэд!

– Узнать дорогу в зал заседаний, – попыталась выудить свой локоть.

– Та ладно! – не сдавалась Ким. – Он?! У тебя?! Да еще и присел рядом?

– Слушай, я так устала, что мне все равно, кто там присел...

Но Ким уже буксировала меня следом за инквизитором:

– Придумай более правдоподобную версию для обще-академического следствия, – закатали она глаза.

– Какого черта он претя на заседание кураторов? – зашипела я, едва в поле зрения из-за поворота попала спина ненавистного инквизитора. Он приветствовал директора академии и завкафедрой криминалистики. По одним глазам встречающей стороны становилось понятно – удивлены не меньше моего.

– Так ты его знаешь?

– Что? – обернулась на подругу не отдавая себя отчета, что потеряла бдительность и сболтнула лишнего. – Нет!

– Ты только что возмущалась, какого черта он претя в зал...

– Ну да! – лихорадочно соображала я, как бы сгладить свой вопль. – Он что, студент? С такой... харизмой не видать нам лучших мест на практике!

Ким захлопала на меня глазами, потом картинно их закатали:

– Рэд – не студент! Он – главный инквизитор Лейдсдейла!

Я чуть не поправила, что не Лейдсдейла, а третьего округа, но вовремя надавала себе мысленно по щекам. Надо было выбираться отсюда.

– Слушай, я поеду – еле стою на ногах. А меня все равно вряд ли куда-то там взяли... Салем никогда не берут просто так, а это значит, что мне нужно будет самой подготовить дело о непризнании меня лучшим студентом, игнорирование результатов моей учебы, подать в суд, самой защитить... и, может, после этого меня кто-то удостоит места для практики.

– Твою мать, Бэрри! – зашипела Ким. – Приди в себя! Надо хотя бы пойти и послушать!

Ладно. Тихонько посплю у нее на плече.

– Давай только на самую галерку, – шепнула ей на ухо.

Рэд уже сидел в кресле на сцене, когда я скользнула следом за подругой. Забиться в угол она мне не позволила, потащила в самый центр, откуда устроила бомбардировку вопросами на приглашенных после официальной части. Я не уснула только благодаря периодическому вниманию Вернона Рэда. Тот будто специально провоцировал, и это было заметно уже не только Ким.

– Мне тебя начинать спасать? – прервала очередную партию гляделок с инквизитором она.

А я снова игралась с огнем. Ловила на себе его взгляд и отвечала своим – злым и решительным. Забавляла его. Посмотрим, что он скажет, когда я достану записи с камер видеонаблюдения в клубе и заведу дело на этого сукина сына!

– Я бы ему посочувствовала на твоём месте.

– Наконец-то нормальный настрой! – похвалила подруга.

Но стоило мне ей улыбнуться, как знакомый голос зазвучал в микрофон.

– Всем добрый день. – Интересно, он с такой же сексуальной хрипотцой пытается своих заключенных? – Мое имя Вернон Рэд, я главный инквизитор третьего округа Лейдсдейла. Очень рад сегодня присутствовать на этой встрече. – Женская половина пришедших яростно заплодировала. Кто-то уже потянул руку, чтобы задать вопрос, и Вернон королевским жестом позволил.

– Мару Джонс, выпускница факультета академии права, – представилась девушка, прежде чем задать, пожалуй, главный будоражащий всех вопрос. – Почему вы сегодня здесь? У кого-то из наших выпускников проблемы?

– Да, – вдруг серьезно ответил Вернон. – Проблема у нас с этим выпускником общая – я. – Последовал новый взрыв восторженного одобрения. Рэд подождал, пока в зале успокоятся. – На самом деле в этом году отдел инквизиции выделил место для прохождения практики одному из студентов.

Я подобралась и напряглась, только вдруг почувствовала себя дурно. Сердце зашло в груди, предвещая качественную паническую атаку, воздуха стало не хватать.

– У вас есть очень хорошие студенты, – как через вату продолжал шелестеть голос инквизитора. – Мы рассмотрели дела нескольких, проверили тщательно репутацию каждого...

Так вот чем он занимался в моем клубе вчера? Проверял мою репутацию!

– Я пошла, – шепнула Ким и поднялась. Хотелось на воздух. Только аккурат в этот момент Вернон устремил на меня свой взгляд:

– Мисс Бэрри Марроу-Лин в итоге прошла жесточайший конкурс на место стажера в моем отделе.

Бабочка, он говорил? Правильно. Потому что, по ощущениям, в эту секунду пригвоздил меня булавкой к полу и довольно воззрился на результат. Все, что мог выделить отдел Рэда – вагон неприятностей такой, как я! Что это вообще за бред?! Взять салеми в стены инквизиции?! Салеми! Для которой эта инквизиция и создана! Что им от меня может быть нужно?! Обеление в глазах общества и салеми? Галочка о беспрецедентной добродетели?

Большинство присутствующих в зале, видимо, занимали мою точку зрения. Ровно десять секунд. Потом природное обаяние Вернона победило, и люди снова захлопали. А во мне лопнули все струны разом. Да кто он такой?!

– Какова цель столь беспрецедентного решения? – громко спросила я, скрестив руки на груди.

– Цель очевидна – заполучить самого успешного выпускника факультета. Я для этого первый и схватил микрофон. – Рэд наслаждался. Может, ему было скучно выполнять чью-то волю, но он смог раскрасить для себя эту унылую задачу.

– Неужели я столь успешна, что вы готовы закрыть глаза на другие мои особенности?

– Наша цель как раз доказать, что никакие особенности не мешают становиться специалистами в любой области. – Это с ним-то я решила потягаться? Мда, так он мне и позволил. С другой стороны, поднатаскаюсь я за практику знатно.

– Даже на постоянное место можно рассчитывать?

– А у вас разве есть не амбициозные цели?

– Нет, – сдалась я.

– Тогда можете начинать благодарить, – улыбнулся хищно, и я позорно схлопнула наступление:

– Спасибо.

Присутствующие, затихшие на время моего неблагодарного перформанса, с облегчением снова зааплодировали. Далее, слово перешло к ректору факультета, а я пробралась к проходу и скользнула к двери.

К черту. Инквизитора и его «место»! Печать начала невыносимо жечься, зараза, и с каждым шагом все больше! Свернув в женский туалет, я рывком расстегнула пиджак, вытащила блузку из штанов, но стоило воззриться на воспаленный ободок под золотой каемкой печати, позади хлопнули двери.

Я даже не успела обернуться, как оказалась в руках инквизитора.

– Тише, – прорычал он, обхватив одной рукой за шею, а второй – за запястье и толкнул ближе к зеркалу.

Наши взгляды, встретившись, высекли искры в зеркале, а я выгнулась дугой в попытке освободиться, но бесполезно. Он прижал к себе сильнее, перехватил руку и придавил своей поверх печати:

– Не дергайся, – приказал холодно.

– Убери эту дрянь! – прошипела я, тяжело дыша.

– Невозможно. – Удивительно, но его горячая рука унимала боль. А вот раскаленный шепот на ухо заставлял гореть совсем другим огнем. Оставалось надеяться, что праведным. – Это – твой контракт. Пока не примешь – будет делать больно. Пока не исполнишь – не исчезнет.

– Да пошел ты!

– Покажешь дорогу, – усмехнулся.

– Я не буду на тебя работать! – дернулась снова.

– Будешь, Бабочка... Тш...

– Я на тебя в суд подам!

– Да что ж ты такая бешеная? – усмехался он над ухом. Его парфюм окутывал, впивался в поры – свежий с горчинкой, запах дерзости и свободы. Никаких тяжелых нот – дикий ураган. И я все меньше хотела выдираться из эпицентра стихии, вжимаясь в его тело, чувствуя, как под ладонью пульсирует все сильнее, будто отдельное сердце...

– Одевайся, – хлестнуло холодом, и я тряхнула волосами, часто моргая. Вернон стоял позади и всматривался в мое лицо в зеркало. Ни следа от усмешки – холодный, жесткий и собранный. – Жду завтра в офисе, документы у твоего куратора.

И он развернулся и вышел, а я пошатнулась и схватилась руками за раковину. Что это, черт возьми, было? Сползла на пол, едва запахнув рубашку, и подтянула дрожащие коленки к груди.

– Бэрри! Бэрри! – послышалось от входа, и стук каблучков больно зазвенел в голове. – Ты как? Что с тобой?

Ким уселась рядом, заглядывая в глаза:

– Я хочу убить ублюдка... – прохрипела я.

– Это он, конечно, отмочил – весь ректорат в шоке...

– Да нет им никакого дела! – поежилась я. – Меня поставили на место, Ким... Этот инквизитор пришел лично обломать мне крылья, понимаешь? Никто не выбивался на финишную прямую из моего рода, а тут – выскочка...

– Би, – Ким потянулась рукой, но я привычно отпрянула. Терпеть не могла, когда меня кто-то трогает. – Ты можешь отказаться.

– Не могу. – Не стала говорить, что Рэд сделал для этого все. – Выбора нет. Если решила пробиваться – надо довести дело до конца.

Из академии я выползла на дрожащих ногах. Вручение документов помнила слабо – меня поздравляли почти искренне, ибо никто не хотел оказаться на моем месте. Охапка бумаг так и трепыхалась в руках, пока я бежала в такси.

Дома не было сил ни на что, и я так и рухнула в кровать в костюме.

Глава 2

Дилемма. Опоздать или не опаздывать.

Я отрешенно смотрела то на часы, то на бумаги. Может, к чертям мои амбиции? У них все равно нет иной дороги, кроме как к Дьяволу. В дорогом костюме и с холодным оскалом. И, словно чувствуя мой возрастающий протест, а, скорее, отчаяние, печать начала нагреваться.

– Пошел он, твой хозяин! – прорычала я. Под пальцами зашевелились щупальцами черные нити. Все. Я больше не фея с крылышками. Настоящая салема... – Вот что мне делать? Играть по его правилам?! Вставать пешкой на доску?

И ведь знала, что по правилам сыграть мне не дадут.

Поднявшись из-за стола, выбрала в шкафу узкую черную юбку, выудила коробку с туфлями на каблуке, надела черную блузку с красной брошью, которая придавила строптивую печать. И накрасила губы красным.

– Хоть сейчас на костер, – вздернула бровь в отражении в зеркале.

Стук каблуков встряхнул унылый коридорчик, ступеньки глухо зазвенели под моими ногами, но город быстро задушил мою унылую музыкальную партию, проигранную заранее. А следы тут же зачистила моющая мостовую машина.

– Мисс Марроу-Лин! – окликнули меня, когда я уже собиралась соскочить с тротуара на проезжую часть. Я и не придавала значения куску сверкающего металла на колесах, который ждал у подъезда. Куда ему до меня? Черной и остро заточенной. – Мисс, меня за вами прислал мистер Рэд. – Неожиданно матовый водитель, который застыл между мной и авто на середине, повел рукой в приглашающем жесте. – Не откажите...

– Думаю, ваш хозяин такого варианта мне не оставил. – И я направилась к нему.

Водитель благоразумно молчал, провожая меня взглядом до дверей, и с облегчением хлопнул ею, едва я успела убрать носки туфель с подножки. Оставшись одна на несколько секунд, я вдохнула полной грудью – свою машину прислал, не иначе. Легкие наполнились колючим будоражившим запахом парфюма инквизитора. Было даже злорадно думать, что, возможно, он встал пораньше, чтобы приехать на работу и отослать за мной свою машину. Даже осознавая низость его целей, самолюбие щекотало от этой мысли. Я развалилась в удобном кресле и перевела взгляд в окно.

Закончилось бы это все быстрее.

– А мистер Рэд любит большую скорость? – обратилась к водителю.

– Не замечал, мисс.

Значит, быстро не будет. Я вздохнула.

За окном рисовался совсем чужой мне город, как и положено после погребального колокола моих надежд. Правда, сам колокол я проспала, и теперь чувствовала себя гораздо лучше. Погода не спонсировала моих иллюзий – небо в темно-серых разводах низких облаков, оплывающий мелкой россыпью дрожащих капель блестящий капот, и даже деревья показались какими-то осенними, или просто одетыми в грязно-рыжий модный цвет этого лета. И кто только задает эту моду на цвета?

Пока ехала, лениво листала сообщения. Одним из немногих озаботился Картер, босс ночного клуба. И только потому, что спешно меня увольнял. В подтверждении его твердых намерений на счет незамедлительно поступили деньги – какая-то совершенно неадекватно большая сумма. Я набрала ему ответ, что он меня с кем-то спутал, но до конца пути босс так и не ответил.

Стало интересно, что такого я натворила, что от меня так поспешно избавились? Опять же – не проблема. Устроюсь в другой клуб.

– Прошу.

Оказывается, мы приехали. На подземной парковке было душно и пахло сыростью, а за пределами укрытия лил дождь. Я бы основательно промокла, если бы ехала на метро. С губ сорвался нервный смешок, когда огляделась. Только кривую усмешку так и заклинило на лице, когда встретила взгляд господина Дьявола. Он стоял в нескольких шагах. И его усмешка не терпела конкурентов в лице моей жалкой пародии.

– Доброе утро, – низкий голос взбудоражил все нервы разом, пробрался под кожу, будто мне в ноги ударило молнией.

– Недоброе, – процедила сквозь зубы.

– Пойдем, – кивнул он в сторону лифта.

На парковке было непривычно пусто.

– У вас сегодня выходной? – огляделась, пока мы замерли в ожидании лифта на две секунды.

– Общая парковка с другой стороны здания, – он пропустил меня вперед.

Последнее, с чего бы хотелось начать день – с поездки в лифте с Верноном Рэдом. Я сцепила зубы, дыша все тяжелее, а он не отказывал себе в разглядывании моего протеста, уделяя особенное внимание губам.

– А быстро ты сдалась, – поставил точку в моем изучении.

Удивительно, но стоило ему остановить свой темный взгляд на моих глазах, черты его лица расслабились. Я едва не пропустила суть его слов от неожиданности.

– С чего ты взял?

Вместо ответа он посторонился, пропуская меня в просторный офис, куда выходили створки этого вип-лифта. Я неуверенно двинулась к большому столу на фоне панорамы города. Он следовал за мной:

– Хорошая девочка, которую мне нарисовало твое личное дело, сейчас бы изображала фею с крылышками и кукольным взглядом. Ты же надела костюм ведьмы. – Он обошел меня и спрятал руки в карманы брюк. – Что же ты четыре года билась с силами добра в академии, а тут – все? Признаешься мне в своей сути?

Он встал напротив так близко, что мог бы схватить рукой за горло.

– Разыгрывать перед тобой девочку, у которой еще вчера была мечта, не буду. – Инквизитор будто сразу потерял интерес к моим словам, плавно шагнул в сторону и принялся обходить меня по кругу. Не посмотрелся еще? – Прости, если ты рассчитывал на этот спектакль. Ты же мне все равно докажешь, что единственное предназначение моей мечты – хрустеть стеклом у тебя под ногами.

Он остановился совсем близко сзади и медленно вздохнул. Даже волосы зашевелились на затылке от дрожи в воздухе.

– У меня нет намерения ломать тебе крылья, Бабочка.

Дико хотелось его жестко осадить с этим ник-неймом, который он мне присвоил, но... мне нравилось. Хоть что-то хорошее я же могу себе оставить?

– А какие есть?

Не верила ему ни капли. Этот Дьявол – мастер слова. Под каждое он подгонит свой смысл, подведет электричество и заставит ярко и привлекательно сверкать. И все это рванет в тот самый момент, когда ему будет нужно. Такие они – служители Слова и Права для избранных.

– Я взял тебя на практику, помнишь? – вернулся он на исходную позицию и замер напротив. Глаза в глаза. – Посмотрю, чему у нас учат в академии. Оценю твои способности.

Я усмехнулась. От растерянности. А еще по глупости. И его губы дрогнули в знакомой усмешке, подтверждая мою очередную ошибку. Самое время сделать следующую.

– Тогда, убери свою печать, извинись за доставленную нервотрепку, и я снова надену крылышки... – Он долго смотрел мне в глаза, медленно растягивая губы в кривую усмешку.

Как его рука оказалась на затылке – даже не заметила. Только и успела что задержать дыхание, когда он потянул к себе. – Пожалуйста,пусти...

Напряжение достигло апогея. Я ни черта не понимала, только чувствовала, что Дьявол тащит в какой-то водоворот событий, из которого не вырваться – утхнет на дно.

– Нет, Бэрри, – хрипло прошептал он в губы. – Нельзя носить костюм проститутки и не трахаться за деньги, также как нельзя сначала вырядиться ведьмой, а теперь скулить передо мной. – И снова его было не узнать – холодный и жестокий, он прожигал злым взглядом, от которого отказывали все стержни разом, оставляя меня жалкой лужей у его ног. – Считай это первым уроком. За каждое действие теперь приходится нести ответственность и расхлебывать последствия.

Он выпустил, а я так и осталась дрожать с прямой спиной.

– С работой нашего отдела тебя познакомит моя помощница, – донесся его голос будто сквозь воду. Потом что-то тренькнуло, и я вздрогнула, снова будто выплывая из транса. – Можешь идти.

У дверей его кабинета уже ждали. Я развернулась и направилась к секретарю с планшетом.

– Присядьте пока на диван, я сейчас подойду.

И я осталась стоять в приемной, оглушенная аудиенцией.

* * *

Дана вытянулась передо мной и привычно замерла. Только пауза непривычно затянулась. Я смотрел перед собой, но видел только красные губы... И пользовался тем, что помощница будет стоять тут хоть часами, не смея открыть рта.

– Никто не должен знать, что я привел ее в кабинет сам, – поднял глаза на девушку, и та с готовностью кивнула, опуская голову в планшет. У нас и так будут проблемы. У меня будут. Но ставки слишком крупные, чтобы не рискнуть. А я достаточно твердо стою на ногах для такого риска. Хотя, надо признать, мало не покажется даже в случае удачи. А ничего другого я не допускаю. – Мисс Бэрри Марроу-Лин – лучшая студентка юридического факультета академии Лэйдсдейла. Будет проходить в нашем отделе стажировку. – Пока Дана делала пометки, я сверлил взглядом двери, за которыми стояла моя ведьма. И казалось, даже видел ее. – Прямое подчинение только мне...

Пришлось стиснуть зубы, чтобы сдержать реакцию на собственные слова – как же было бы хорошо, если бы и Бабочка знала слово «подчинение».

Я назвал ее так сразу же, как увидел за шторами сцены. Именно так это и описывали – «летающая на огонь». Она должна была узнать меня и признать сразу. С «узнать» прошло гладко, чего не скажешь о «признать» – даже главная умница выпускного курса не смогла подавить желания подобраться ближе к тому, кто зовет. А я звал. Давно. С год. Не у всех получалось найти свою салеми, но неудачи не про меня. И я нашел. Когда уже посещение клубов, библиотек, митингов, социальных центров и прочих мест вошло в привычку, и я даже начал забывать, на что трачу половину каждой ночи... наконец, нашел.

Салеми – ночные существа. Но только при условии, что спят днем. В городе это сложно. Приходится пахать, чтобы выжить... Чертова замкнутая система, срывающая нервы этим прекрасным существам.

Вот и моя тоже замоталась до пятен перед глазами. Невинная девочка. Как и должно быть. Я сначала решил, что не могло мне так повезти, и что она – простая шлюха, которая набивает цену.

«Моя»...

Это обычное местоимение казалось мне новым неизведанным ресурсом скрытых возможностей. Если смогу их использовать, конечно. Я никогда не шел общим путем, искал другие, на которых еще не ступала нога такого, как я. Разрушать просто. Меня никогда не привлекало тупое разрушение, к которому нас готовили с детства.

Но об этом никто почти не знает.

Дана стояла передо мной и едва не тряслась.

– Она будет работать в соседнем кабинете.

Помощница вскинула голову от планшета:

– Но там же...

– Я знаю, – медленно сдвинул брови.

Мне вдруг захотелось взорвать все и сразу и посмотреть, что из этого выйдет. Одна часть меня четко понимала – я заскучал от собственного превосходства. Пятнадцать лет игрался в амбиции, но вопрос «А что дальше?» не оставлял. Что я оставлю другим? А себе? Мой путь выстлан горячей плотью и дикими предсмертными воплями невинных... Когда-то они улаживали слух и казались гимном во славу светлых дел, но теперь я стал ценить другую музыку – кашель неуверенности, частый стук нервного сердца и глухой звон кольца о стакан в дрожащей руке. Все они – там, наверху – думают, что построили идеальное общество на двойном обмане. Инквизиторы гонятся за салемами, обеспечивая покой и здоровый сон власти, салеми сгорают в собственном пламени, утаскивая на тот свет десятки случайных жертв...

Вторая часть... Я усмехнулся. Второй частью я видел, что ступил на опасную ненадежную дорожку, но вот беда – виды завораживали так, что не оторваться. А это превосходно, когда рад процессу, а не цели. Давно со мной подобного не бывало.

– Мистер Рэд, простите, – неожиданно осмелела Дана, прижимая клипсу к уху пальцем, – в приемной ждет мисс Клисон.

«Виды» перед мысленным взором мигнули и погасли. Я сдвинул брови, возвращаясь обеими частями в промозглый Лэйдсдейл.

– Давай ее сюда, – приказал глухо и отвернулся к проекции рабочего стола сбоку.

Только Дана открыла двери, в них ворвалась посетительница. Я даже не посмотрел в ее сторону – неинтересно. Чем меня могла удивить будущая жена? Даже биться об заклад было скучно, но я знал, что на ней очередное новое творение гениальной, но скучной дизайнерской мысли – короткая юбка, строгая блузка и какая-нибудь утонченная деталь, призванная оживить всю эту смертную тоску. Я все же озабочился поиском детали, и она бросилась на меня, как и задумывалось, сразу – сегодня это была брошь по центру, скалывающая края блузки в том месте, где ее стоило бы хотеть разорвать на две части. Черная, блестящая...

...Бабочка сегодня тоже надела брошь. Я запомнил, потому что она отвлекала от вида ее губ – такая же красная и наглая.

– Здравствуй.

Вальрика замерла посреди кабинета, все еще надеясь, что я оценю ее вид.

– Уйди. Я не настроен. – Терпеть не мог, когда в раскинутые сети интриг попадалась мелкая рыба. Она бесила, дергала сеть и нервы, отвлекая. Но я же знал, что она прибежит первая. – И я просил предупреждать о визите заранее.

Вальрика сделала вид, что не слышала меня. Прошла к креслу и уселась напротив:

– Ты новости смотришь?

– Нет времени.

– Сегодня пока еще не весь Лэйдсдейл, но многие говорят о твоей практикантке.

– Она у меня умница – еще бы о ней не говорили. – Я легко забыл о посетительнице и углубился в действительно стоящие новости на проекции.

Но она не оценила моих умений:

– Вернон...

– Что тебе нужно? – перевел на нее взгляд.
– У нас договор, ты помнишь?
– Для этого у меня есть юрист.
– Никого не светить на публику, – все же напредила она. – Неужели нельзя было поиметь ее тихо, без такого размаха?

– В сеть уже все позы просочились? – снова потерял интерес к разговору я.
– Я не потерплю такого скандала, – понизила она голос.
– Переходи уже к угрозам, мне надо работать.
– Ты нарушаешь договор.
– Так подай на меня в суд.

Мы скрестились взглядами, и я, наконец, присмотрелся к Вальрике. А ей шло бешенство. Если бы за ним еще что-то было, но это так – рябь на мели. Идеальная гладкая поверхность ее лица не давала возможности вообще хоть за что-то зацепиться взглядом. Так и хотелось посоветовать приклеить брошку на лоб или на глаз...

– Верно... – Терпеть не мог, когда она называла меня по имени. – Не надо так со мной разговаривать. Тебе мало, что ты вообще делаешь с моей жизнью?

– Ты сама это выбрала. И меня – тоже.

– Я считала тебя более дальновидным, – сузила она глаза. – А еще амбициозным и перспективным.

– Ты просчиталась, – потерял я надежду поработать. – Можем расторгнуть договор и разбежаться.

– Ты же знаешь – это твоя плата за силу и власть. А ты еще даже не начал платить...

– Я бы мог тебя взять с собой на боевое задание, чтобы ты убедилась в обратном...

– Уволь, – презрительно хмыкнула она, поднимаясь.

А мне до рези в ладонях захотелось шагнуть к ней и переломать шею, на которой звенела ее пустая циничная башка. Все же вывела из себя, сучка.

– Как скажешь. Ты уволена.

Ставки сделаны.

– Очень смешно, – усмехнулась Вальрика, но, видимо, вспомнила, что я редко шучу. – Ты что, серьезно?

– Я не смог доказать необходимость твоей должности в своем штате, – откинулся на спинку кресла.

Да я и не пытался. Вальрика раскрыла свои голубые глаза и открыла рот – хоть какая-то смена декораций в фальшивых эмоциях.

– А не охренел ли ты, господин главный Инквизитор? – оперлась она ладонями о стол. – Ты правда хочешь войны и не хочешь жениться?

– Я правда хочу начать рабочий день.

– Она так сказочно сосет?

– Она просто у меня на стажировке.

– У тебя не бывает «просто».

– Спасибо.

Вальрика царственно выпрямилась, высокомерно раздувая ноздри.

– Я даю тебе время до вечера. Подумай спокойно, может... день не задался...

Как плохо ты меня знаешь. И это хорошо. У нас и не было возможность друг друга узнать. А у меня не было желания.

Вальрика Клисон – младшая дочь главы департамента расследования Лэйдсдейла и мое наказание за глупость и роковой просчет. Решился однажды срезать путь через кусты и обзавелся гадюкой на шее. «Срезал» я за счет ее отца, когда тот однажды предложил поддержать мою кандидатуру на пост главного Инквизитора. Я тогда думал, что старик реально оценил

кандидатов, а мой послужной список был достаточным. А когда по итогу мне принесли брачный договор, понял, каким идиотом был.

Это было давно. И даже полезно. Я перестал рвать жилы, по крайней мере, вместе с мясом, а с такой высокой должности открылся совсем другой вид на ситуацию. Да, договор есть... Но у меня было достаточно времени, чтобы придумать, как вывернуться из этой петли...

Глава 3

Посетительница вышла из кабинета Инквизитора и направилась к столу секретаря, которая суежилась с моими бумагами. Моему взгляду достались лишь дорогие туфли-лодочки, к которым я всегда питала слабость.

– Дана, можно мне кофе? – прозвучал резкий требовательный вопрос.

Я углубилась в планшет, пытаюсь мысленно отгородиться. От женщины прямо разило высокомерием и неприязнью. Она влетела в приемную, стоило опуститься в дальнее кресло у окна. Видно было – нервничала и едва сдерживалась, чтобы не ворваться в кабинет инквизитора без приглашения. Теперь же, после нескольких минут, проведенных там, ей, видимо, стало только хуже.

А инквизитор умел обращаться с женщинами...

Осенило меня, когда она прошла в соседний кабинет:

– А шторы когда привезут?

Это же его невеста! С губ сорвался смешок – сделал невесте кабинет рядом со своим? А потом до меня дошло, что он же приказал посадить меня работать... туда же! Это что, мне придется работать с ней?!

– Что смешного?

От мыслей я даже не заметила, как блондинка вынырнула из дверного проема и теперь смотрела на меня, сузив глаза. А красивая она у него – стройная, длинноногая и идеальная в каждой детали. Интересно, он ее любит?

– Что смешного? – продублировала вопрос девушка, подойдя вплотную.

– Ничего, – смерила ее взглядом и опустила глаза в планшет, но, похоже, она только ждала, за что зацепиться.

– Классная помада. Не подскажешь, какая?

Я медленно подняла голову, заставляя на себе презрительный злой взгляд:

– Смотрю, настолько стойкая, что не стирается даже после хорошего начала карьеры...

– Попробуйте начинать карьеру с помощью мозгов, – не задумываясь, выдала я. – Тогда и помаде ничего грозить не будет.

Она ухмыльнулась шире:

– Дрянь.

– Неприятно познакомиться. – И я протянула руку: – Бэрри Марроу-Лин.

– Я тебе в порошок сотру, – скривила губы блондинка, игнорируя мой жест.

– Придется встать в очередь.

Кофе был забыт – зря помощница старалась. Посетительница поджала губы, развернулась на каблучках и вылетела из приемной.

– Кофе?

– Буду очень благодарна, – перевела я взгляд на девушку у стола. – Я Бэрри.

– Дана, – улыбнулась та. Молоденькая совсем, младше меня. Как она, интересно, попала в эту жуткую должность? – Поздравляю с назначением!

– Думаешь? – усмехнулась я. Но, видя непонимание на ее лице, поспешила сгладить. – Не верится удачи.

Девушка ожила, заулыбавшись:

– Ты – первая практикантка. Обычно босс не допускает в свой отдел никого со стороны. Он вообще мало кого подпускает...

Едва сдержалась, чтобы не закатить глаза.

– А эта, – я указала глазами на двери в коридор.

– Мисс Вальрика Клисон, невеста мистера Рэда, – кивнула она, подавая мне кофе. – Он, кстати, просил вас расположиться в новом кабинете.

– Мы можем не сработаться с его невестой, – я вдохнула аромат кофе. У меня даже дома такого не было. Пожалуй, будут и здесь приятные минуты.

– Мисс Клисон тут пока не работает, – дипломатично, но весьма довольно заметила Дана. – Пойдемте?

Мы прошли в комнату такого же размера, что и у Рэда, только в бежево-кремовых тонах. Стол был один единственный – из светлого дерева наверняка заоблачной стоимости – и занимал пятую часть пространства. У стены – мягкий уголок из дорогой натуральной кожи. Я бегло осмотрела его, поморщившись. И да – пустовато. Но я бы не стала вешать сюда шторы.

– Здесь только один стол, – констатировала очевидное.

– Да, – пожала плечами Дана. – Располагайся. Составь мне список необходимого для работы, к вечеру все будет.

Я настороженно принялась обходить офис. Мертвое все. Оглянулась на диван – еще и труп у стены разложили. Не целиком, но содранная кожа, натянутая на каркас, ничем не лучше. А у инквизитора, кстати, дивана в офисе нет. И стол не деревянный. Все – дорогие, но все же имитации. Здесь же – просто кладбище какое-то. Тут саван нужен, а не шторы.

Усевшись на край стола, я положила рядом планшет и, подумав, достала зеркальце. Помада ей моя не понравилась... Придирчиво изучив губы, я скосила взгляд на чашку – чисто.

– Не нравится?

Я вздрогнула, но не обернулась.

– Твоей невесте – да, не понравилась я. Не знаешь, почему?

– Зависть...

Я не слышала, но чувствовала его шаги по мягкому полу, и это колебание воздуха будоражило. Мне даже показалось, за окнами уже стемнело, и в тело полилась совсем другая энергия – густая, темная... томная... Тряхнув головой, я тяжело сглотнула и поднесла чашку с кофе к губам.

– Чему же она может завидовать?

– О тебе я думаю... – Я обернулась. Наваждение растаяло, чашка задрожала в руке, и меня кинуло в безжалостную реальность. Вернон стоял в шаге, руки в карманах брюк, и блуждал взглядом по моему лицу. Злым взглядом, пронизывающим и жгучим. – Поехали, – кивнул он на двери. – Обустроишься позже.

– Куда? – подобралась, ставя чашку и подхватывая планшет.

Сразу стало стыдно за свой вид – куда я в таком? Намерение было лишь пощекотать нервы инквизитору и выразить протест, а тут – показаться в полной красе... где?

– На допрос.

Он уже устремился к выходу, оставалось лишь бежать следом, чтобы не отставать. Но, стоило сунуться в коридор, опешила – мы оказались в обычном офисном холле со стойкой секретариата, мягкими коврами, аквариумами и, соответственно, служащими департамента инквизиции. Чувствовала себя белой мышью, выскочившей сдуру прямо на разделочный стол в разгар приготовления воскресного обеда. Естественно, взгляды всех присутствующих сконцентрировались на мне, несущейся за инквизитором.

Статусы служащих легко читались в длительности взглядов, устремленных на меня. Секретари позволили себе не более двух секунд. Пара мужчин у их столов – три, а вот вышедший навстречу инквизитору из лифта мужчина в возрасте позволил себе насладиться моим позорным преследованием вдоволь, пока жал руку инквизитору.

– Вернон, доброе утро, – донеслось до меня, когда я нагнала босса. – Мисс?

– Мисс Марроу-Лин – моя помощница, – глянул на меня.

– Наслышан, – протянул мне руку собеседник. – Клайв Доналдсон, адвокат коллегии Лэйдсдейла.

– Я вас знаю, – ответила я на жест. – Вы защищаете интересы власти в мировом суде...

Адвокат Доналдсон в основном выступал против салема на самых известных судах.

– Ты что-то хотел? – грубо оборвал меня Рэд, обращаясь к Доналдсону.

– По двум делам хотел проконсультироваться, – тот глянул на меня косо, – но могу и позже...

– Хорошо, – кивнул коротко Рэд и устремился дальше.

– Хорошего дня! – вежливо кивнул мне Доналдсон, прежде чем я возобновила догонялки за инквизитором.

– Знаешь о делах Доналдсона? – бросил он, когда мне удалось его нагнать.

– Знаю, – я тяжело дышала. – Можно помедленнее?

– Иначе что?

– Иначе больше не буду надевать туфли.

Мы остановились, наконец, у лифта. Все, у кого были намерения им воспользоваться, сразу от них отказались, ретировавшись к соседнему.

– Протестую, – усмехнулся он, опуская взгляд на предмет протеста.

Я осторожно увлажнила пересохшие губы языком и посмотрела на Рэда исподлобья. Только тут подумала, что если сниму каблуки, буду ему дышать в солнечное сплетение. Тактически это, конечно, неплохо, но как-то унижительно. Да и мне вряд ли поможет.

– И красную помаду тоже оставь.

– Издеваетесь, – прошла я в лифт.

– Ускоряю адаптацию, – нажал он на кнопку. – Ты думаешь, что все вокруг носят ветки к твоему костру, на котором я тебя буду сжигать персонально. Но ты ошибаешься.

– Много мне чести – понимаю. У вас тут куча народу. Этот Доналдсон, к примеру...

– Понятно, – разочаровано сдвинул он брови. – Можешь мне высказать все, что думаешь об инквизиции.

И он вдруг нажал на кнопку остановки движения. Я растерянно моргнула, тяжело сглатывая:

– Что ты делаешь?

Тишина, окружившая нас, показалась вакуумом.

– Говори, – опустил он голову, хищно сужая глаза. – Мечтаешь закрывать своей красивой грудью униженных и обездоленных салема?

– Может, – выдохнула я, начиная задыхаться.

– Считаешь всех инквизиторов последними сволочами? – продолжал допрашивать он.

– Выпусти меня отсюда, – процедила.

– Отвечай, – с нажимом приказал он.

– Вы же удовольствие получаете, – процедила, расправляя плечи. – Это у вас в крови! Рождайтесь с жадой крови таких, как я, а иначе никак! Найти, выследить, надругаться и растерзать! – Я только на последнем слове осознала, что кричу на него. На лице Рэда ни один мускул не дрогнул, а вот радужки глаз опасно потемнели. Но меня уже было не остановить. – И да, я мечтаю научиться давать отпор таким, как ты! И я готова к тому, что жизнь будет недолгой, но кто-то должен сопротивляться!

В его взгляде смешалось слишком много всего, но ненависти и раздражения не было точно. Мне показалось, что на миг в нем мелькнуло даже восхищение. Хотя, наверное, путь к таким его эмоциям по отношению ко мне будет долгим. И это выступление в лифте – далеко не его начало.

Но тут Рэд вдруг вскинул руку, и я отскочила от него, с грохотом влетая спиной в стенку лифта. И тут же зажмурилась от волны дикого стыда! Он просто потянулся к кнопкам лифта, а я... так струсилась! Хороша защитница, ничего не скажешь.

Когда выпрямилась, он уже стоял ко мне боком, чуть запрокинув голову. Лифт летел вниз, будто и не останавливался, а я любовалась профилем инквизитора. Кажется, не разочаровала я его только в клубе, сидя на нем голышом, когда сказала, что невинна. Надо было собираться с мыслями и соображать. Либо разочаровывать его окончательно, чтобы рад был от меня избавиться. Но план так себе.

Вышли мы на еще более шумном этаже. Гвалт голосов здесь неприятно вибрировал в ушах, но зато надежно стряхивал оцепенение и страх. Иллюзия, что чем больше людей, тем безопаснее, возникает только в больших городах. Но сейчас я отдавалась ей с головой.

Инквизитора постоянно приветствовали, я изображала тень. На редкость привлекающую внимание, но все же. А вот на улице у входа ждал неприятный сюрприз – репортеры. Сразу стало понятно, зачем мы проделали этот путь, а не спустились по-тихому из его кабинета на подземную парковку. Рэд спокойно вошел в свору папарацци, и я не отставала.

– Мистер Рэд, прокомментируете беспрецедентное решение департамента инквизиции? Кажется, я становилась известной... и это ни черта не нравилось.

– Я уже говорил, что особенности происхождения не должны влиять в нашем обществе на характер возможностей.

А хорошо я его разозлила. Любо-дорого было смотреть, как он пер против общества. Вернее, делал вид. Интересно, у нас скоро новые выборы правительства? Какая-то партия решила набрать голосов побольше за счет ущемленных? Когда он откроет имена спонсоров?

– Пресс-служба президента молчит.

– Вы знаете, что только у представителей нашего департамента нет времени думать, – усмехнулся он.

– Но ваше решение выглядит весьма взвешенным.

– Так и есть. И я бы не делал из этого такую сенсацию.

– Сенсацией выглядит другое. Вы в курсе о слухах?

– Не имею столько свободного времени, – отрезал Рэд, но ко мне уже тоже подоברались:

– Мисс Марроу-Лин, как вы себя чувствуете в первый день в отделе инквизиции?

– Пока сложно сказать...

Рэд подхватил меня под руку и повел через толпу к водителю, но разбежаться в плотной толпе было трудно.

– Вас вообще спросили, хотите ли вы попадать в столь неоднозначную ситуацию?

– А вы как думаете?..

Рэд, наконец, дотащил меня до машины и, настойчиво оттеснив журналистов, усадил на заднее сиденье.

– Поехали, – скомандовал водителю, захлопывая свою дверь спереди.

Стоило нам отъехать от здания, ему посыпались звонки, а я все пыталась осознать – это правда со мной. У меня берут интервью, меня запирает в лифте с собой самый опасный инквизитор города, и да, это мне предложили кабинет его невесты.

Мама говорила, мечтать надо осторожнее. А я вот мечтала вести громкие дела, защищать права своего народа и открыто противостоять несправедливому закону. Домечталась.

Теперь шарахаюсь от этого «закона», как заяц от собственной тени. Хотя, слыша, как босс говорит по телефону, мне даже не было за это стыдно – не хотела бы я оказаться на том конце трубки. Стало вдруг интересно – сколько ему лет? Выглядел он сногшибательно. Чем и пользовался.

Дорога по утренним пробкам заняла немало времени. Дождь не прекращался, зато темнота за окном давала ложное ощущение спокойствия. Я вспомнила, как любила дождь в дет-

стве. Капли на стекле в облезлой раме рисовали мне другие миры, а когда выходило солнце – эти миры оживали. И дышалось невероятно легко, будто заново делаешь первый вдох.

Когда машина остановилась, открылись двери, я вышла и глубоко вздохнула – запахи новой жизни не радовали. Тут разило пылью и бетоном, как и положено следственному изолятору. Надо сказать, до этого я видела его только на фото, и еще ни одна практика не закидывала меня в место, хоть отдаленно напоминавшее это. Хотя через квартал жил своей жизнью Лэйдсдейл, здесь действительно рисовался другой мир – уродливый и пугающий.

Редкие капли все равно умудрились прилично увлажнить волосы, пока мы направлялись на пост досмотра. Могло даже показаться, что я продрогла, но дело было далеко не в холоде.

– Мистер Рэд, – поднялся представитель охраны и вышел навстречу из-за прозрачного стекла, – ваши пропуска здесь.

Инквизитор молча принял карточки на шнурке, но не спешил их надевать. Молча проследовал мрачным коридором вглубь. Я шла следом, едва борясь с тем, чтобы не сбросить туфли или не идти на носочках, чтобы меня не было слышно. Серый коридор, казалось, набрасывался на каждый звук, что я издавала, пожирая его с отвратительным глухим чавканьем. Когда я поравнялась с Рэдом, он впервые за долгое время вообще обратил на меня внимание.

– Открывай заметки и пиши... Стивия Грант, тридцать три года, обвиняется в торговле психотропными препаратами...

Я бегала пальцами одной руки по клавиатуре, уходя с головой в водные, лишь бы отвлечься от антуража.

– ...Главный вопрос – на лечение или в огонь.

Я вздрогнула и подняла на него взгляд. Мы замерли посреди коридора. Он что-то просматривал в папке, которую ему передали на посту досмотра, а я смотрела и не могла поверить – вот так просто? Только когда он поднял на меня взгляд, я поняла – никому тут просто не будет. И ему – в первую очередь. Потому что он взял меня на стажировку!

– И почему для вас это такой сложный выбор?

– Я не давал команды задавать мне вопросы, – отбрил он жестко. И передал мне свою папку. – Смотри сюда.

Но ничего рассмотреть не дал – снова пошел куда-то вперед.

– Учись хватать все на лету.

Я скрипнула зубами и принялась читать урывками первый листок. Стандартно – родилась, жила в Журславе до пятнадцати, потом Лэйдсдейл... работала на рынке... пятнадцать лет продавала травы. Ну, стандартная специализация для салеми – лекарство и траволечение. Тут пока максимум на шарлатанство похоже. Вернее, не все, что делали салеми, было шарлатанством, но специальной комиссии, которая бы разбиралась с этими случаями, нет. Салеми умеют лечить. К нам едут люди со всех провинций с больными родственниками и детьми. К моей матери постоянно стояла очередь из желающих. Вот только продать дар целительства невозможно – дар сразу пропадал. Соответственно, все салеми, кто продавал свои способности – просто дурили головы людям. И тут оставалось только согласиться с обвинением.

А вот дальше шли показания очевидцев, врачей скорой помощи, следователей... Пробежавшись глазами по выводам, я едва ли поверила: Стивия Грант делала из своих клиентов послушных лишенных воли существ!

Выводы поражали настолько, что я встала, как вкопанная. Подняв глаза от документов, я осмотрела препятствие более осмысленно – решетка. Мы с инквизитором стояли у железной решетки, из-за которой на нас взирал мужчина в форме.

– Ну как? – холодно спросил Рэд.

– Не слышала о таком, – хмурилась я.

Он протянул мне бейдж и чиркнул своим по аппарату у дверей. Замок щелкнул, и мы прошли внутрь.

- Такие истории не предаются огласке, – тихо сообщил он, когда я догнала его в коридоре.
- Почему?
- Тогда мы не сдержим волну общественной паники.

Наши взгляды встретились на пару ударов сердца, и я впервые подумала, что понятия не имею о том, куда лезла все эти годы. Я сама, являясь представителем расы, думала, что знаю все. Но, видимо, город менял салема. И не все они справлялись с напряжением, искушением и отчаянием. Только зачем инквизитор готов мне это все открыть, да еще и с такими декорациями? Сказка, рассказанная в темную грозовую ночь, впечатляет больше, чем при свете солнца?

Мы уже не спешили. Я стряхивала с ладоней капли, срывавшиеся с кончиков волос, и шмыгала носом, он целеустремленно вышагивал вереди, как хищник, устремившийся к добыче. И все в этом хищнике привлекало взгляд. Даже страх, что он вызывал, завораживал. Когда остановился у одной из железных дверей, я подобралась и застыла позади. Карточка запустила механизм замка, и двери открылись.

Камера оказалась светлой, просторной и почти уютной. Удобная кровать с ворохом подушек и одеял, столик и даже кресло напротив плазмы на стене. В кресле обвиняемая и обнаружилась. Моргнула, глядя на нас, пару раз и потеряла интерес, возвращаясь к растиранию тонких бледных стоп, что виднелись из-под пижамных штанов. Короткая стрижка и светлые волосы внезапно сделали ее седой старухой, хотя по данным ей не больше сорока.

- Что вам нужно? – прокаркала она тихо.

Рэд медленно прошел в помещение, сгущая тьму своей темной фигурой и уменьшая пространство:

- Принять окончательное решение, – остановился, убирая руки за спину. – Будете жить и исправляться или не используете шанс.

Салема напряженно раздула ноздри и сжала сухие губы в нитку. Казалось, сдерживала приступ ненависти последними силами.

- И что мне нужно сделать, чтобы вы приняли положительное решение? – раздраженно зыркнула на нас Стивия.

- Я задам вам несколько вопросов, – не двинулся он с места. – У вас есть дети?

Салема пожевала губы, прежде чем ответить:

- Нет.

Рэд хмурился, глядя на Стивию так, будто планировал просверлить в ней дырку взглядом.

- Еще одна попытка, – тихо сказал Рэд, но прозвучали его слова выстрелом.

- Больше нет! – неожиданно заорала Стивия. – Довольны?! Подавитесь!

Я отшатнулась к стенке, Рэд даже не дернулся:

- Куда делся ваш ребенок?
- Мне нельзя говорить! – мотнула она головой.
- Мне нужно знать, – был непреклонен он.

Салема тяжело дышала. Неестественно синие глаза темнели с каждой секундой все больше, будто выцветали – дурной знак. А я не понимала, при чем тут ребенок, если Стивию обвиняли в продаже препаратов.

- Вы меня уже приговорили, да?!
- Отвечай на вопрос! – повысил голос инквизитор и вдруг шагнул к салема.

Та взвилась вверх и отскочила к стенке, опрокидывая кресло:

- Нет!
- Кому ты его продала?! – отшвырнул он кресло с дороги.
- Мистер Рэд! – вскричала я.
- Рот закрой! – зыркнул он на меня зло и тут же вернулся к Сивии.
- Не закрою! – рыкнула я, делая шаг к обвиняемой. – Что вы себе позволяете?! Это что, допрос такой?!

– Что, не по учебнику? – снова удостоилась злого взгляда.

– Не по правилам! – заявила возмущенно. – Ребенок нигде не фигурирует, с чего вы взяли, что он был?! Пока что я вижу только давление на подсудимую!

– Хочешь защитить? – зло усмехнулся он.

– А вот и хочу!

– Прекрасно, – покачал он головой. – А теперь складывай два плюс два. Я могу начать обвинение?

– Можете. – Голос дрожал то ли от негодования, то ли от уверенности, что сделала очередную глупость.

Стивия жалась спиной к стенке, сжимая кулаки, и производила впечатление душевно нездоровой.

– В Лэйдсдейле запрещена торговля собственными детьми, так ли это, мисс Марроу-Лин?

– Так.

– И тем не менее мисс Глисон скрыла факт рождения ребенка...

– Дети не признаются в вашем гребаном государстве, если у них нет отца! – скривила губы подсудимая.

– А в чем проблема сказать, что отец есть? – повернул он голову к салеме. – Детей никто не тестирует на гены.

– Что ты несешь? – вскричала я.

– Ты хотела сказать, что протестуешь? – Казалось, он защищается от нас обеих, легко переключаясь с одной на другую. – Ты не знала, что салемы могут рожать без мужчины?

– Что? – Я забыла, где мы и зачем.

Но только Рэд не забыл.

– Мисс Клисон родила девочку, – плавно начал обходить он заключенную, будто ферзь на шахматной доске, загонявший фигуру в угол. – Но не попыталась зарегистрировать. Вы сразу же решили использовать ребенка в своих целях?

– Да что ты знаешь? – зашипела Стивия. – Не тебе меня судить!

– Мне, – оборвал ее Рэд. – Рассказывай!

Она еще какое-то время смотрела на него, не мигая, но глазам возвращалась краска, а это значило, что кризиса пока можно не ждать.

– Я не знаю, кто они, – она выпрямилась, вздернув подбородок. – Мы же не управляем этим процессом. Но они как-то узнали. В роддоме ко мне подошла врач и передала записку с суммой, за которую у меня готовы были купить ребенка.

– И ты согласилась, – констатировал Рэд.

– А куда мне его было тащить? В мою конуру над забегаловкой по три пятьдесят за ночь? – она презрительно скривила губы, усмехаясь. – Да, я согласилась.

– Когда девочку забрали?

– Сразу. На следующий день. – Салема сползла по стене и обняла себя руками. – Я не хочу умирать...

У меня сердце сжалось от жалости. Я шагнула к ней и, опустившись на колени, положила руку на плечо:

– Держитесь. Не все потеряно...

Стивия вдруг вздрогнула и зашлась смехом. Диким, истеричным. Я поднялась и попятилась.

– Да пошли вы оба! И ты тоже, инквизиторская подстилка! – выкрикнула она, глядя на меня с ненавистью. – Какого черта ты работаешь с этим отродьем?! Пришла позлорадствовать?! Выше удалось взобраться, чем остальным салемам?! Только для одного годишься!..

– Пошли, – меня сцапали сильные руки и потащили из камеры, а Стивия все сыпала и сыпала проклятиями.

В коридоре я вырвалась из его рук. Понимала, что до профи мне, как до луны, и ему за такое поведение меня надо уволить, отстранить и не дать доучиться вообще... Но было мерзко.

– Доволен? – выдавила хрипло. Губы дрожали.

– Я – да. Пошли. – Но передышку мне давать и не думал. – Открывай планшет и пиши. – Мне хватило ума не спорить. – «Никогда не подавать голоса на допросе, пока я не разрешу. Не вмешиваться в дело без спроса».

– Но ты вел себя против всех протоколов! – жалко возмутилась я, понимая, что рою только еще большую яму. – Нельзя давить на заключенного!

– Я не сказал, что мы идем на допрос? – резко остановился он, и я чуть не впечаталась в его грудь вместе с планшетом. – Ты, может, не понимаешь, чем занимается инквизитор в цепочке правосудия?

Пожалуй, так зло и сурово он на меня еще никогда не смотрел. Конечно, я знала. Инквизиторы подчинялись другим законам, но я никогда не думала, что столкнусь с ними.

– Понимаю.

– Еще что усвоила? – потребовал безжалостно, а я все больше думала, что он меня сюда привез не развлекаться, а дрессировать, сталкивая с незнакомой действительностью.

– Не обещать ничего подсудимым, если не можешь выполнить обещание. – Пожалуй, это зацепило меня больше всего, но он даже не заметил – не питал на мой счет иллюзий.

– Вы думаете, что стоит нацепить значок представителя правосудия, и все салеми вас начнут боготворить, – смягчился его голос немного. – Но это не так. Ты наверняка видела себя в своих девчачьих мечтах в роли адвоката-спасительницы ущемленных салем и считала их всех априори невинными. Только безжалостные инквизиторы достойны гореть на костре вместо их невинных жертв, да? – По моему взгляду он с легкостью прочитал ответ, даже кивать не надо было. – Так вот – нет. Тебя будут ненавидеть больше.

– Пока я с тобой! – не собиралась отказываться от своих иллюзий.

Стоило труда снова от него не шарахнуться, когда он наклонился ниже:

– А ты теперь и будешь со мной, – заявил зловеще.

– Только на время практики.

И откуда только во мне снова взялось столько упрямства? Будто и не было ничего в камере. И он наверняка подумал так же и поставил мысленную галочку удвоить дозу воздействия реальностью. Я заранее съежилась, втягивая голову в плечи.

– Пошли, – отвернулся и зашагал к выходу.

– А что с ней? – снова побежала я следом.

– Посмотрим...

Ковырял еще один вопрос, но мне все казалось, что это какой-то шуточный ход, код-пароль для начала переговоров с обезумевшей салемой.

– Про ее ребенка... Как это – без отца? – Но Рэд молчал. – Вернон! – не выдержала я.

– Салеми могут беременеть без мужчины, – не останавливаясь, выдавил он и свернул за угол так резко, что я чуть не пробежала прямо.

– Как это? – нагнала его снова.

– Сложно все. Не объяснить так сразу, – Рэд открыл очередные двери, пропуская меня вперед. И только когда мы остались одни в очередном мрачном коридоре, продолжил: – Это одна из тех тайн, знать которую обычным... людям опасно.

– Но я уже знаю!

До машины он со мной так и не соизволил заговорить. И я уже думала – не ответит вовсе. Дождь, казалось, только и ждал, пока мы усядемся, и ливанул так, что я съежилась на заднем сиденье, поглядывая хмуро на водопад на стекле. Автомобиль превратился в субмарину, расталкивая волны впереди себя, пытаясь разгрести дорогу.

– Салемы иногда рожают детей без полового контакта с партнером, – инквизитор скосил на меня взгляд. – Непорочное зачатие. – Я широко распахнула глаза, тяжело дыша. Все это – просто легенда. Но в наше время подобное вряд ли возможно. – И я уже несколько лет бьюсь над вопросом, куда исчезают такие девочки.

– Почему?

– Потому что они уникальны, – удостоил он меня прямого взгляда. – И я хочу понять, кому они понадобились.

– Много пропало?

– За десять лет – шестнадцать. Но это только тех, факт существования которых был доказан.

– А как ты узнал, что у Стивии был ребенок?

– Медосмотр.

– На осмотре видно, что ребенок был рожден... без отца?

– Нет, конечно. Я блефовал, – усмехнулся он. – Но основания были. В последнее время прятать факт существования такого ребенка стало необходимостью – салем, продавших детей, еще и запугивают.

Я отвернулась к окну и обняла себя руками. Звучало дико.

– Как так вышло, что вы знаете о нас больше нас самих? Врага надо знать в лицо?

– Не врага, Бэрри, – раздраженно отмахнулся он и углубился в планшет и звонки.

А я откинулась на спинку сиденья...

Когда мы вышли на парковке департамента инквизиции, я почувствовала себя чуть ли не дома. Рэд, избавив от натиска своего внимания, был отстранен и хмур. Или я была настолько эмоционально вымотана встречей с Стивией, что не замечала его. Я осталась у стола секретаря, когда он хлопнул дверью своего кабинета, не сказав ни слова.

– Проходи, – шепнула Дана, указывая глазами на мой, то есть его невесты.

Пришлось сцепить зубы... и тут же прислониться к стене, едва переступив порог. Дивана с кожей в углу уже не было. Вместо него – винтажный стеллаж с десятками растений в маленьких горшочках. Подобранные по цвету, они рисовали сиренево-зеленый градиент от одного угла к другому. Его невеста... больше не любит диваны из натуральной кожи?

На столе тоже стояла россыпь маленьких горшочков с цветами. А между ними – цифровые рамки без изображений. Между ними я и опустила планшет, застывая у стола. Внутри распирало, но не от информации – от эмоций. Инквизитор ломал что-то важное, но ненужное ему. Рэд прав – меня не ждет ничего хорошего, кроме борьбы с бездушной системой.

– Бэрри, кофе? – тихо замерла на пороге Дана.

– Можно, я сама сделаю? – встрепелась я.

– Это моя работа, – мягко поставила меня на место.

Хотела бы я знать, что в этом всем – моя работа. Пока что казалось – бегать за Верноном.

Глава 4

Чтобы хоть как-то поднять самооценку, я села заниматься. Освежила в памяти процедуру допроса, лишний раз убедившись, что метод инквизитора вообще не натягивался ни на какой из допустимых вариантов.

Вернон не звал меня к себе до обеда. И сам не выходил. Я слышала, что к нему заходят служащие департамента, объявлялся и Доналдсон. Он даже зашел ко мне с визитом вежливости узнать, как устроилась.

А когда я полезла смотреть новостные ленты, до меня дошло почему. Я не уделила внимания прессе ни вчера, ни сегодня – некогда было. Да и инквизитор интересовал больше. А вот невеста его такую мину строила не зря – поводов набралось со вчерашнего дня хоть отбавляй! И, вишенкой на торте, в сети появилась очень недвусмысленная статья с кучей предположений о... нас! Мне приписывали массу профессиональных навыков, только не тех, которые нужны адвокату. Они больше бы подошли моей ночной профессии – обольстительная, хваткая, чувствующая выгоду. Будто Рэд меня привел в департамент прямоком из мужского клуба, минуя академию!

В сеть попало все – кадр нашей встречи на факультете, где Вернон сидит рядом со мной на корточках. Хороший кадр! Кто только его сделал?! Утреннее интервью тоже не обошли стороной, и снова фото – как Рэд утаскивает меня от журналистов.

– Дьявол! – выругалась я сквозь зубы.

Инквизитору понадобилось всего полдня, чтобы отбросить меня к старту, а то и за его пределы. Он был прав – я теперь всегда буду ассоциироваться с ним! Никто не поверит, что салема достигла чего-то сама, да и потом, что бы я ни сделала – все припишут ему и «нашей тайной связи», намек на которую читался в каждой строке каждого заголовка! Сел рядом, схватил за руку, выделил место в соседнем кабинете, протащил через весь департамент утром, да еще как! Бежала за ним, как идиотка! А что, если он это все спланировал? Только зачем ему такой скандал? Чтобы невеста поревновала?

Едва дождавшись, когда Доналдсон выйдет из кабинета инквизитора, я материализовалась перед Даной:

– Можно к нему? – и кивнула на дверь.

– Сейчас узнаю, но у него плотный график. Через пять минут уже следующий...

– Я не займу много времени, – вдохнула поглубже. – Думаю, мы вообще больше не займем время друг друга, и твое – тем более.

Дана покосилась на меня насторожено, но вскоре кивнула на двери. Рэд не рассчитывал на мою наглость отрывать его от занятости – все еще вглядывался в проекции какого-то документа, когда я вошла.

– Твоя невеста внезапно полюбила суккуленты вместо содранной с животного кожи?

– Ты знаешь такое слово, как «спасибо»? – не глянул он на меня.

– Спасибо. За то, что не стал затягивать с моим наказанием за амбициозность.

Здесь, видимо, ему перестало хватать той картинки, что была в памяти, и он повернул ко мне голову:

– Что?

– Я смотрела новости, – не шелохнулась. Разговаривать с ним стоя, пока он сидел, оказалось немного проще, и я молилась, чтобы не встал до конца моей речи. – Все считают меня твоей любовницей. Ты сделал все ради этого – везде подставился под удачный кадр. Меня теперь никто не воспримет всерьез. Не докажешь никому, что я действительно из себя что-то представляю... – Я перевела дух, делая глубокий вдох. – Только не пойму – неужели отношения с невестой стоили цели стереть меня в порошок?

– Не льсти себе, – сузил он глаза.

– Вот и я того же мнения. Но и... не хочу понимать. Думаю, дальше разыгрывать сценку с работой у тебя в департаменте смысле нет? Все цели достигнуты? Тогда я хотела бы уйти.

– Иди, – Вернулся взглядом к монитору он. – Выспись, приведи себя в порядок, завтра жду на работе.

Я сцепила зубы, тяжело задышав, но язык это не удержало:

– Ты играешь здесь судьбами на своем заоблачном пьедестале, решаешь, кому гореть, а кому жить. Я понимаю, тебе дела нет. Но я приложу все усилия, чтобы выйти из твоей игры!

Вернон медленно вернулся ко мне взглядом, и на миг показалось, что пол подо мной вот-вот вспыхнет. Я видела будто в замедленной съемке, как он грациозно поднялся и скользнул из-за стола. А в следующий вдох уже стоял рядом, выжигая кислород в своем эпицентре. Даже голова закружилась от его близости, но я стояла прямо из последних сил.

– Приложи, – выдохнул мне в губы, зло усмехаясь. – Только давай договоримся, не сможешь – станешь моей. Я предупреждал – будешь нести ответственность за угрозы. Тем более – если они пустые.

У меня просто язык присох к небу от этих его условий, я ни черта не могла выдавить, а он все решил сам:

– Ты еще здесь? – потребовал вдруг холодно.

– Уже нет, – я развернулась на каблуках и вылетела из его кабинета.

Печать жгла и изматывала под блузкой несогласным жжением, но я не оборачивалась. Прыгнула в такси, вымокшая насквозь, и, не обращая внимания на внешний вид, помчалась в академию.

Только и там ждало разочарование. Ректор развел руками:

– Бэрри, место практики закреплено за тобой, я ничего не могу изменить. Да и о такой возможности можно только мечтать. Знаешь, сколько мы подбивали клинья к Рэду?

– Вы правда так думаете?! – возмущалась я, стоя посреди его кабинета.

– Мисс Марроу-Лин, – замялся старик, – я все понимаю: неприятно оказаться в центре таких сплетен, но это своего рода трамплин к успешной карьере, поверьте.

– Карьере кого? – неприязненно скривилась я.

– Бэрри...

– Вы можете отменить эту практику и вернуть меня на занятия?

– Не в моих силах, я уже говорил, – развел он руками, грустно усмехаясь. – За вас хлопотали высшие силы.

– О, да... – зло процедила.

Разговаривать бесполезно. Развернувшись, я зашагала на улицу.

Когда меня осветила первая вспышка, решила, что это была молния. Но когда за ней последовали топот и крики, замерла, ошибочно полагая, что папарацци не увидят застывшую цель. Не тут то было.

– Мисс Марроу-Лин, – окружили меня профессионально, камеры заработали с двойным усердием, – давно у вас с отношения с главным инквизитором шестого округа Верноном Рэдом?

Моргнув пару раз, я выпрямилась:

– Да, давно.

– Расскажите подробнее!

– Ну, он – мужчина, которому невозможно оказать сопротивление, – и я сделала попытку ретироваться.

– У вас с ним была связь? – продолжали тыкать микрофоны в лицо.

– Почему была? – отшатнулась я.

– А невеста мистера Рэда...

– Мы виделись сегодня, – косила под дуру. – Работаем в одном кабинете.

Сейчас я лучше всего могла представить лицо инквизитора. И почему-то его образ рисовался мне в стенах следственного изолятора, и на кресла в пижаме сидела я.

– И что она думает о ваших отношениях?

– Спросите ее сами, – пожала я плечами. – Простите...

И заскакала по ступенькам. Даром что в обтягивающей юбке.

* * *

Честно говоря, думала, что не добегу до ворот, как меня скрутят и упекут куда подальше, но ничего подобного не происходило. Даже когда вышла очередная статейка в Макронет, в квартиру никто не ломился, а выдержка Рэда вызывала восхищение. Если только он не готовил мне могилу лично на Пристийском кладбище...

«Сегодня у истории Вернона Рэда и Бэрри Марроу-Лин появились пикантные подробности! Бэрри дала короткое интервью...»

И дальше шел видео ряд с моим фееричным бегством в финале. Хороша я была, гордо удаляющаяся по ступенькам академии! Аж засмотрелась. Только дрожь внутри и жжение печати не давали насладиться гадостью, подстроенной инквизитору.

В кухне пахло мхом и имбирным печеньем, которым наградила себя за тяжелый день. Вспомнились метаморфозы в кабинете – появление этажерки с цветами. Зачем они там? Мысль, что суккуленты для меня, пришла в голову на короткое мгновение и тут же отмелась за ненужностью. Это вряд ли. Поужинав, я приняла твердое решение никуда больше не ходить. Мысль, что провалю практику, и болезненная пульсация печати бесили. Соорудив себе лечебный компресс из растений, я приложила его к груди и съехала на диван в гостиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.